

*В.И. Ильин*

## РОССИЙСКАЯ ГЛУБИНКА В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ РОССИИ\*

*Надежность системы, как утверждает кибернетика, определяется надежностью ее слабого звена. Страну можно рассматривать как систему потоков, регулируемых социальными институтами. Масштабы и интенсивность этих потоков формируют социально-территориальную иерархию, на вершине которой столица, посередине — региональные центры, а внизу — глубинка. Глубинка порождается изоляцией от основных социальных потоков. Глубина социальных и культурных преобразований измеряется на дне системы. Деградация глубинки нарушает баланс потоков, что проблематизирует будущее всей страны. Цель данной статьи — анализ глубинки и как социологической категории, и как участка социокультурного пространства России.*

**Ключевые слова:** *глубинка, социальное пространство, потоки, социальное исключение, социальная изоляция, дороги, связь.*

**Key words:** *heartland, social space, flows, social exclusion and isolation, roads, communication.*

### **Феномен глубинки**

Слово «глубинка» — из разговорного языка. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова (Ожегов 1982: 119) дается такое определение: «Глубинный, далекий от центра пункт». Другой толковый словарь (Толковый словарь 2003) определяет это слово аналогично: «Глубинка — это место или населенный пункт, расположенные вдали от столицы государства или других больших городов». В этих определениях акцент делается на формальном географическом подходе. Однако,

---

\* Работа выполнена при поддержке РФФИ. Грант №10-06-00574. «Социальная теория и практики потребления: от расцвета нефтяной экономики через кризис к будущему».

как мне представляется, понятие «глубинка» используется уже в гораздо более широком смысле, оно обладает определенным эвристическим потенциалом и вполне может быть введено в научный оборот, что предполагает его развернутое и точное определение.

Социальное пространство страны — это пространство разных типов потоков, формирующих социальное время и пространство. Социальное время — это последовательность событий, сливающихся в поток. Социальное пространство — это топология потоков, т. е. их направление по отношению друг к другу. Целостность же пространства и времени обеспечивается различными социальными институтами, среди которых основными в масштабах страны и населенного пункта являются государство и рынок. Именно они оказывают наиболее сильное влияние и на топологию потоков, и на череду событий внутри их. Потоки имеют разные масштабы. Есть массовые, захватывающие всю страну, есть локальные и групповые, а есть и индивидуальные в форме жизненной траектории.

Единицей потока является событие, часто мельчайшего в масштабах страны характера. Например, транзакция, в результате которой сумма денег перешла из одних рук в другие, товар обменен на деньги, индивид переехал из пункта А в пункт Б, поезд или автомобиль покинули место или достигли его и т. д. Множество событий — индивидуальных и групповых — сливается в потоки, разные по своей природе:

- миграция;
- инвестиции капиталов;
- материальное и духовное производство;
- товарообмен;
- суточные (маятниковые) перемещения людей и транспорта;
- личное общение;
- административное управление;
- досуговые услуги и практики (обмен денег на организованные развлечения);
- распределение и продажа культурных ресурсов (образование);
- появление и смена форм повседневной жизни и т. д.

Столица и глубинка — это два полюса социокультурного пространства страны, существенно или кардинально различающиеся и структурой потоков, и их интенсивностью. На одном полюсе — столица с ее бешеным, с точки зрения провинциала, темпом жизни. Сюда, в конечном счете, текут все потоки, здесь их максимальные объемы и скорость, что создает столичное социальное поле, обладающее мощной силой притяжения. На другом полюсе — глубинка с ее тягучим, по мнению столичного жителя, временем. Большие потоки, определяю-

щие динамику страны, сюда почти не доходят или доходят в очень ослабленном виде. Потоки отсюда в основном уходят тонкими ручейками, их низкая интенсивность создает иллюзию остановившегося времени. Ресурсы провинции ограничены и четко проявляется тенденция к их уменьшению. Это порождает системный эффект в виде социального поля (см. подробнее Ильин 2000), в котором доминируют силы выталкивания, порождающие потоки миграции в сторону больших городов. Посредине между ними — региональные (провинциальные) центры.

На уровне видимости глубинка характеризуется удаленностью от центров — столицы и областных городов. Видимость — это удаленность географическая, но гораздо существеннее удаленность (дистанция) социальная, культурная, административная и политическая. Глубинка — это удаленность от столичных ресурсов.

Различия между столицей и глубинкой имеют и стратификационный, и стилевой характер. Когда речь идет о неравном распределении между ними жизненно важных ресурсов (например, деньги, материальные блага) — налицо социальная стратификация: все или почти все хотят их иметь, но удается не всем. Когда же речь идет о предпочтениях, основанных на специфике вкуса, то это горизонтальные стилевые различия. Например, одни любят суету мегаполисов, другие ее ненавидят, предпочитая тихую и размеренную жизнь глубинки.

Таким образом, *глубинка* — это часть социокультурного пространства, относительно изолированная от основных его потоков, характеризующаяся их относительно низкой интенсивностью и плотностью, ограниченным объемом ресурсов, удаленная от центров политической, экономической и культурной активности. Вялотекущие потоки глубинки формируют социальное поле, обладающее слабой удерживающей силой, что открывает его воздействию более мощного притягивающего поля региональных центров и столицы.

### Функция глубинки

Страна — это система, обязательными полярными элементами которой являются столица (столицы) и глубинка. Это две стороны одной медали. При поверхностном взгляде создается впечатление, что судьба страны и ее будущее определяются только столицей и несколькими наиболее динамичными городскими центрами. Они включаются в процессы глобализации, повседневная жизнь здесь становится мультикультурной, космополитической. Здесь центр политической, экономической, культурной и социальной активности. Здесь концентрируются различные ресурсы и механизмы их распределения. Здесь задается вектор даль-

нейшего развития страны. Столица бежит в будущее, существенно опережая остальную страну и особенно глубинку.

Нередко глубинку, особенно ее сельскохозяйственную часть, трактуют как экономическое и социальное бремя для страны: дает мало, а для своего поддержания требует много. В то же время в условиях глобализации многие поставлявшиеся оттуда товары дешевле и проще закупать на мировом рынке. Именно такая трактовка глубинки характерна для многих либеральных политиков и экономистов России. Реализация этого подхода проявилась в свертывании государственной поддержки экономически неэффективных отраслей и населенных пунктов, ее сведение к режиму социального спасения в экстренных ситуациях, в концентрации основных финансовых потоков в столице. Такой подход, в крайней или умеренной форме, встречающийся повсеместно, как мне представляется, при видимой рациональности грешит сильной близорукостью: решения, эффективные с первого взгляда, в долгосрочной перспективе оказываются разрушительными.

Роль глубинки можно описать с помощью метафоры водного бассейна. Глубинка — это болото, которое, с точки зрения здравого смысла, является бесполезной и даже вредной частью ландшафта. Маленькие ручейки, вытекающие из болот и ключей, кажутся совершенно лишними, бессмысленными, в лучшем случае — бесполезными. Они создают лишь препятствия на пути людей, поэтому их с легким сердцем засыпают, осушают в процессе строительства. Однако именно они питают огромные реки. И когда такие ручейки пересыхают в результате природных катаклизмов (например, засухи) или человеческих экспериментов (осушение болот), то и гигантские реки становятся чахлыми, несудоходными, там исчезает рыба, а города сталкиваются с проблемой снабжения чистой водой.

Такую же роль играют мелкие деревеньки и малые города в судьбе страны. Не удивительно, что во многих странах это уже осознали (хотя и с большим опозданием) и вопреки логике примитивно рационального рынка вкладывают большие средства в поддержку экономически мало-перспективных ферм и малых населенных пунктов. Огромные города без фундамента подпитывающей их глубинки — это Волга без бесчисленных безымянных ручейков и речушек, т. е. гигант, обреченный на исчезновение.

Если столицы являются двигателями прогресса, задавая его направление и динамику, то глубинка обеспечивает устойчивость и преемственность. Столицы — это очаги глобализации, глубинка — это масса мельчайших очагов локализации. И лишь баланс этих двух противоположностей порождает глокализацию, гарантирующую динамичность и преемственность цивилизационных процессов.

Столицы — это главные пункты притяжения мигрантов, выходцев из разных стран и культур. И на этом участке социального пространства порождается мультикультурализм, космополитическая культура, которые, с одной стороны, являются основой динамизма, а с другой — источником социальных и культурных конфликтов, напряженности. Мультикультурализм — это культурная ситуация, лишенная прошлого и устремленная в неопределенное будущее. В этом ее и сила, и слабость.

Глубинка в ее классическом варианте — это место, не привлекательное для миграции. В силу этого здесь в наиболее чистом виде сохраняются национальные традиции, язык, основы традиционного бытового уклада. Консерватизм глубинки уравнивает страсть к переменам (нередко принимающую радикальные формы) столицы, обеспечивая преемственность национальной идентичности страны, не позволяя ее размыть иммигрантскими потоками. Из глубинки в столицу приходят провинциалы, привнося туда свой культурный, политический и социальный консерватизм.

Ярким примером такого диалектического единства космополитических динамичных мегаполисов и консервативной глубинки являются Соединенные Штаты Америки. Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Сан-Франциско и т. п. мегаполисы обеспечивают динамизм Америки и ее ведущую роль в процессах глобализации. Глубинка, состоящая из массы малых и мельчайших городков (towns), предотвращает превращение Америки в безликую космополитическую ярмарку, обеспечивает, несмотря на мощный поток иммиграции, сохранение традиционных основ американской цивилизации, выступающих в качестве устойчивого фундамента для инновационных поисков. В результате мы видим парадокс: мировой центр глобализации во всех ее измерениях остается в то же время очень провинциальной страной, где существенная часть населения ведет образ жизни, несущий на себе зримый отпечаток фермерских корней. Аналогичные процессы воспроизводства национальной преемственности через сохранение и укрепление глубинки мы видим и почти во всех крупных европейских странах, где мультикультурные и космополитические столицы удерживаются в национальном поле благодаря постоянной подпитке всех процессов из консервативной глубинки.

В России же не удавалось и не удастся создать гармоничное и диалектическое единство космополитических мегаполисов и национально-консервативной глубинки. Их отношения скорее антагонистические. Динамика столиц обеспечивается за счет разрушения национального фундамента. Если этот процесс будет доведен до логического конца, то Россия как национальное государство превратится в нечто совершенно иное. Я не берусь оценивать, хорошо это или плохо. Здесь критерием

является система ценностей. Но очевидно, что это будет уже иная страна. Территории, которые осваивались веками, оставляются и приходят в запустение, что подрывает геополитическую ситуацию. Высокая концентрация населения, допустимая в малых странах, ставит под вопрос будущее России как государства, удерживающего огромные территории, удаленные на тысячи километров от мегаполисов.

### Миграционные процессы

Одним из очевидных показателей статуса глубинки являются миграционные потоки. Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. Сильное социальное поле навязывает свою логику слабому полю.

Один из основных срезов социальной структуры России — деление на городское и сельское население. Почти все сельские населенные пункты (исключая столичные пригороды) — это глубинка. Различие между ними состоит в образе жизни: одна часть населения ведет городской, другая — сельский образ жизни.

Развитие страны в XX в. определялось в основном ее индустриализацией, порождавшей как следствие урбанизацию (табл. 1).

Таблица 1

#### Соотношение сельского и городского населения в России (по данным переписей населения), в %

	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002
Сельское	85	82	67	48	38	31	27	27
Городское	15	18	33	52	62	69	73	73
Все	100	100	100	100	100	100	100	100

Как показывают последние переписи, соотношение городского и сельского населения стабилизировалось. Это можно объяснить тем, что не только остановился процесс индустриализации, но началась очевидная деиндустриализация, означающая переход не к постиндустриальному обществу, а к обществу потребления, опирающемуся на экономику экспорта природных ресурсов. Промышленность уже не создает, как прежде, новые рабочие места, требующие новых мигрантов из деревни. Кроме того, многие рабочие места в сфере материального производства и сферы услуг городов все более активно заполняются иммигрантами из стран т. н. «Ближнего зарубежья». При оценке динамики структуры населения необходимо учитывать и факт совершенно иного рода: местные власти часто заинтересованы в преувеличении численности реального населения для увеличения или сохранения государственных дотаций. В силу этого им выгодно уехавших в город жителей

деревни формально сохранить в своих рядах. Поэтому вызывает некоторые сомнения и такой результат переписи 2002 г.: по сравнению с переписью населения 1989 г. численность населения сократилась на 1,8 млн. человек, в том числе проживающих в городских поселениях — на 1,6 млн. человек, а в сельской местности — только на 0,2 млн. человек. Население деревни оказалось более стабильным? В силу чего? Не в силу ли логики статистики и политики?

За внешне благоприятными цифрами соотношения городского и сельского населения скрывается тенденция к быстрому старению села, и, в меньшей мере, малых городов. Уезжает трудоспособное население, остаются в основном те, у кого в большом городе мало шансов на новую жизнь. Как сказал один сибирский сельский бизнесмен, «я открыто скажу, что сам уже будущего села не вижу <...> Люди понимают, что в городе можно заработать легкие деньги. Все стараются уехать туда» (Калугина, Фадеева 2009: 182).

Половина сельских жителей (около 20 млн. человек) проживает в больших и крупных сельских населенных пунктах с числом жителей более 1 тыс. Пятая часть всех сельских поселений — это деревни и хутора с населением 10 и менее человек, однако на них приходится всего полпроцента сельского населения. Кроме того, при переписи было учтено 13 тыс. сельских поселений, в которых население фактически не проживало, хотя в части из них было официально зарегистрировано.

Второй срез — деление городских населенных пунктов по критерию численности населения (табл. 2). Градостроительный кодекс РФ (ч. 3 ст. 5) в зависимости от численности населения подразделяет все города на: сверхкрупные (свыше 3 млн. чел.); крупнейшие (от 1 млн. до

Таблица 2

**Динамика структуры населения городов России в период 1989–2002 гг.**

Группировка городских поселений	Число жителей в них, тыс. чел. в 2002 г.	В % к итогу, 1989 г.	В % к итогу, 2002 г.
Численность жителей городов	94450	100	100
Из них с числом жителей, тыс. чел.:			
До 50	16622	16,9	17,3
50–99,9	11083	11,8	11,6
100–249,9	13816	13,8	14,4
250–499,9	14574	16,0	15,2
500–999,9	12404	14,9	12,9
1 млн. и более	27416	26,6	28,6

(Источник: Госкомстат РФ 2002).

3 млн. чел.); крупные (от 250 тыс. до 1 млн. чел.); большие (от 100 до 250 тыс. чел.); средние (от 50 до 100 тыс. чел.); малые города и поселки (до 50 тыс. чел.). Однако при проведении переписи населения 2002 г. к малым городам были отнесены населенные пункты с численностью жителей до 250 тыс. чел.

Третий срез — деление городских населенных пунктов по их статусу: на города и поселки городского типа. В городах, по данным переписи 2002 г., проживало более 90 % городского населения и около 10 % — в поселках городского типа. Последние отличаются от сельских поселений занятостью основной части населения вне сельского хозяйства, однако образ жизни населения поселков во многом схож с деревенским.

Четвертый срез — региональный. Свыше 60 % населения России сосредоточено в трех федеральных округах — Центральном, Приволжском и Южном. Самым малочисленным является Дальневосточный федеральный округ: его доля в населении страны не превышает 5 %. В период с 1989 по 2002 г. число жителей увеличилось только в Южном и Центральном федеральных округах. Отток из Сибирского и Дальневосточного округов в другие регионы России превысил один миллион человек (Збарская 2002). Таким образом, чем дальше от Центра и Юга России, тем «глубже», что проявляется в эффекте социального выталкивания. Все больше появляется незаселенных территорий, граничащих с перенаселенным Китаем, откуда идет проникновение населения на освободившиеся места.

### **Социальная относительность географического пространства**

Пространство описывает расположение и удаленность объектов друг от друга. В географическом пространстве дистанция между ними измеряется в километрах. В социализированном географическом пространстве логика описания кардинально меняется: главным критерием становится доступность. Далеко не то, что удалено на много километров, а то, что отрезано бездорожьем или отсутствием средств на билеты. В силу этого глубинка может начинаться и в Подмосковье.

В информационном обществе категория доступности приобретает новые измерения. В традиционном смысле «доступность» — это возможность перемещения тела индивида в рассматриваемую точку географического пространства. В информационном обществе, чтобы быть в какой-то точке, отнюдь не обязательно присутствовать там телесно: часто достаточно, чтобы ты мог слышать и видеть то, что там происходит, общаться с находящимися там людьми. Иначе говоря, средства электронной коммуникации переворачивают былые представления о пространстве. Информационная революция открывает перспективы открытия глубинки миру, приближения ее к центру.



Глубинка конструируется через процессы исключения из разного типа потоков. Основным механизмом социального исключения — отсутствие дорог или их плохое качество. В информационном обществе активно действует механизм исключения из информационных потоков.

### **Железные дороги**

Железные дороги в XX в. были главным средством поддержания социально-экономической целостности страны. Близость к ним также выступала в качестве инструмента дифференциации глубинки: чем дальше, тем глубже.

По качеству железных дорог Россия занимает 33 место в мире (см. также табл. 3). На первом месте — Швейцария, в первую пятерку входят также Гонконг, Франция, Германия и Финляндия, США — на 17 месте. Впереди России Намибия, Индия, Литва, Казахстан, Украина и т. д. (The Global Competiveness Report 2009–2010).

*Таблица 3*

### **Железнодорожные сети**

Страны	Площадь страны, тыс. кв. км	Протяженность железных дорог, тыс. км
США	9360	200
КНР	9590	53
Россия	17100	87

(Источник: Принуждение к инновациям 2009: 233).

Развитие железнодорожного транспорта России на 2002–2010 гг. описано государственной подпрограммой «Железнодорожный транспорт» в рамках Федеральной целевой программы «Модернизация транспортной системы России». Основная часть средств указанной подпрограммы (284,1 млрд. руб. средств федерального бюджета и 283,9 млрд. руб. внебюджетных средств) тратится на содержание существующих дорог, развитие станционного хозяйства, подвижной состав и другие текущие проблемы эксплуатации железных дорог (Принуждение к инновациям: 231). При такой железнодорожной сети основная часть населенных пунктов страны остается оторванной от мира.

Модернизация железнодорожного транспорта, как это ни парадоксально, порой выступает фактором еще большей изоляции глубинки. Скоростные поезда наращивают скорость за счет свертывания количества остановок, оставляя их жителей в качестве зрителей несущихся мимо составов. Модернизация ведет также к нарушению графика движения пригородных поездов, сокращению их числа. Наиболее заметны-

ми эти последствия стали на железнодорожной магистрали Санкт-Петербург — Москва, где в 2010 г. пошли скоростные поезда «Сапсан». Под их потребности стали менять графики работы других поездов. Это болезненно ударило по жителям этого региона, лишая их возможности вовремя прибывать на работу в Москву или Санкт-Петербург и возвращаться домой. Масштабы глубинки в самом центре России выросли в результате ввода в действие самых современных поездов.

### **Автомобилизация России и дороги**

В постсоветский период, когда границы российского рынка были открыты для иностранных производителей и ввоза подержанных товаров, начался процесс массовой автомобилизации, существенно изменивший структуры повседневной жизни населения страны. Численность автомобилей выросла с 8,964 млн. в 1990 г. до 26,656 млн. в 2006 г. Сегодня парк достиг почти 35 млн. автомашин (Шумейко и др. 2007: 242). Однако распределение автомобилей пошло прямо пропорционально платежеспособности населения и обратно пропорционально потребности в таком виде транспорта. В результате в глубинке, где слабо развит общественный транспорт, где наиболее остро стоит проблема покрытия огромных расстояний, возможности приобретения автомобилей оказались минимальными. И хотя в малых городах и селах численность машин заметно выросла, но интенсивность этого процесса существенно отстала от мегаполисов с развитой системой общественного транспорта.

Ключевыми факторами, формирующими особенности России, являются огромные расстояния и дороги, наиболее адекватно описываемые с помощью категории «бездорожье». В силу этих двух факторов невозможно найти в Европе или Северной Америке аналоги российской глубинки. Российская глушь нередко начинается в сотне километров от мегаполисов, где многие населенные пункты отделены от центров бездорожьем, которое и соединяет как возможность «добраться» (а не доехать) до большой дороги, и разъединяет, т. к. поездка оказывается испытанием для людей и техники.

В последнем рейтинге качества автодорог, составленном Всемирным экономическим форумом, Россия занимает 118-е место из 133 (экспертная оценка 2,42 балла из 7 возможных (отличное качество). Средняя скорость перемещения грузов в Европейском Союзе равна 1000 км в день, в России она не превышает 300 км. Себестоимость перевозок у нас в полтора раза выше, чем в Европе, а расход топлива превышает европейский аналог на треть. В результате стоимость товара в глубинке становится дороже. Россия существенно отстает даже от такой не самой развитой страны, как Китай (50-е место). Согласно данным Центра мак-

роэкономических исследований (ЦМИ) Сбербанк, в 2008 г. в России было построено 2,5 тыс. км всех типов дорог, в то время как в КНР — в 21,4 раза больше (53,6 тыс. км). Впереди нас многие страны Азии, Латинской Америки и даже Африки (Египет, Алжир, Марокко, Эфиопия, Ливия, Танзания, Замбия, Нигерия и т. д.) (The Global Competiveness Report 2009–2010).

С точки зрения экспертов, подготовивших доклад по перспективам модернизации России, «*Отечественные автомагистрали отстают в своем развитии от мирового уровня на несколько десятков лет... Около 2 млн. россиян в более чем 40 тыс. населенных пунктов в начале XXI века прозябают без автомобильного сообщения*» (Шумейко и др. 2007: 239)

Таблица 4

**Объемы федерального финансирования дорожно-эксплуатационных работ  
(в млрд руб.)**

2007 г.	2008 г.	2009 г.
44,9	66,4	61,2

(Источник: Говорухин Дороги России)

На развитие сети автомобильных дорог России идут большие средства (табл. 4, 5), но на деле их протяженность не растет. Причина всегда одна: выделенные средства уходят на бесконечный ремонт дорог с асфальто-бетонным покрытием. Многие специалисты считают, что главная причина критического состояния российских дорог — не уровень финансирования, а неэффективное использование денежных средств и устаревшая технологическая основа строительства дорог с покрытием из асфальто-бетона, не учитывающая климатических условий России.

Таблица 5

**Сравнительная стоимость средних затрат на строительство 1 км дороги  
(в долл. США)**

Автобан в Германии	11–14 млн. долл.
Польша	7–8 млн. долл.
Швейцария	24 млн. евро
Чехия (Дрезден — Прага)	9,2 млн. евро
Дорога М6 (штат Мичиган)	2,48 млн. долл.
Западный скоростной диаметр	180 млн. долл.
Дорога Краснодар — Новороссийск	32 млн. долл.
Новая кольцевая дорога Московской области	40 млн. долл.
Новая магистраль Москва — Санкт-Петербург (первый участок)	65 млн. долл.

(Источник: Цена дороги 2008).

Плохое качество российских дорог выступает как один из решающих факторов фрагментации страны. Главной жертвой инфраструктурного архаизма является глубинка — малые города и села, чья социальная изоляция по меркам начала XXI в. является непропорциональной физическому расстоянию, отделяющему эти населенные пункты от центров социально-экономической и культурной активности. Во многих регионах России удаленность в 10–50 км оказывается социальной дистанцией, подрывающей возможности маятниковой трудовой миграции, обучения в относительно крупных населенных пунктах, вывоз сельхозпродукции на рынок и т. д.

### **Авиатранспорт**

Одним из ключевых факторов формирования социального статуса значительной части российской глубинки является состояние местной авиации. Более 60 % территории России — это малодоступные регионы, где авиация является единственным видом транспорта. Воздушный транспорт — это почти безальтернативное средство сообщения на территориях Крайнего Севера, Республики Саха (Якутия), Ханты-мансийского, Ямало-Ненецкого автономных округов, Камчатского края и других территорий Северо-Западного, Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. 28 тыс. населенных пунктов не имеют круглогодичной связи с «большой землей» и достижимы извне только с помощью авиации. В них проживает около 15 млн. чел. Внутренние и международные рейсы делят авиарынок России примерно пополам, но международный сегмент растет, а внутренний — сокращается. Причина в том, что на внутренних маршрутах реальная стоимость перевозок на 1 км полета получается в несколько раз выше, чем на оживленных международных трассах (Эксперт Сибирь 2009).

Рыночные реформы означали начало затяжного катастрофического кризиса местной авиации, что привело к радикальному росту социальной дистанции, отделяющей глубинку от региональных центров и столицы. В стране выросло целое поколение молодых людей, ни разу не бывавших не только в столице, но и в своих региональных центрах. Более 500 городов и поселков лишились возможности пользоваться воздушным транспортом. По оценкам экспертов, главной непосредственной причиной упадка местных авиационных линий является неплатежеспособность населения на фоне роста эксплуатационных расходов. По данным фонда «Партнер гражданской авиации» в 1990 г. на местных воздушных линиях были перевезены 25 млн. пассажиров, а в 1999 — менее 1 млн. В нулевые годы местными линиями летали от

1 до 1,4 млн. чел. в год. По данным Минтранса РФ, сегодня воздушным транспортом пользуется не более 2 % населения страны.

Это стало одной из причин того, что за период с 1991 года по 2002 г. 24 тыс. населенных пунктов были покинуты жителями. И в основном это происходит на Дальнем Востоке и на Крайнем Севере. Количество региональных и местных аэродромов России за последние полтора десятка лет сократилось почти на 1 тыс. (было 1300, стало 320, по другим данным — 210) (Эксперт Сибирь 2009; BizavNews.ru/233/6130/).

Гражданская авиация России в целом далека от уровня развитых стран. По критерию качества авиационного сообщения Россия находится на 92 месте в мире из 133 стран. В первую пятерку входят Сингапур, Гонконг, Объединенные Арабские Эмираты, Германия и Швейцария, США — на 20 месте. Немного впереди России — Никарагуа, Камбоджа, Бразилия, Румыния и Гана (The Global Competiveness Report 2009–2010).

### **Телефонная связь**

Телефонная связь — это эффективный инструмент уплотнения социализированного географического пространства. В советское время примитивные телефонные станции оставляли большинство населения даже в городах без этого вида связи. С открытием страны для притока иностранных товаров и технологий сюда пришли современные телефонные станции и аппараты. Появилась возможность резко расширить количество абонентов стационарной телефонной сети. На улицах многих удаленных деревень можно увидеть телефонные аппараты с выходом в междугороднюю сеть. Для России это большой сдвиг в сторону современных мировых стандартов. Сейчас, по данным «The Global Competiveness Report» (2009–2010), по развитию стационарных телефонных сетей Россия занимает 40-е место в мире из 133 учтенных стран.

В 1990-е гг. появилась мобильная телефонная связь, имевшая совершенно эксклюзивный статус. В нулевые годы она получила массовое распространение — по этому показателю Россия вышла на 14 место в мире (из 133 оценивавшихся стран) (The Global Competiveness Report 2009–2010).

Компании, почти исчерпав возможности рынка крупных городов, устремились в поиске новых клиентов в глубинку. Вышки мобильной связи начали быстро удаляться от мегаполисов в леса и поля. В результате житель удаленной деревни верхом на лошади с мобильником в руке стал превращаться в нормальный маркер новой эпохи. Даже пожилые люди быстро поняли преимущества мобильной связи. В результате резко возросли контакты, поддерживающие семейные связи между жите-

лями глубинки и уехавшими в поисках удачи их родственниками, детьми. Одиночество как одна из острейших проблем повседневной жизни жителей деревень и малых городов получила технические средства частичного ее решения.

### **Глубинка и киберпространство**

Появление Интернета меняет социальную топографию страны: возникает техническая возможность сделать глубинку менее глубокой, чем в эпоху, предшествовавшую Интернету. Правда, Россия по критерию доступа населения к Интернету достаточно отсталая страна: 73 место в мире из 133 участвовавших в оценке. Чуть впереди России — Панама, Украина, Китай и Мексика. По критерию доступа к широкополосному Интернету Россия на 68 месте (The Global Competiveness Report 2009—2010).

В нулевые годы появилась возможность для жителей малых городов, имевших телефонную связь, подсоединиться к мировой паутине через модемы. Однако далеко не все жители малых городов и райцентров имели дома такую связь. В деревнях же она имела эксклюзивный характер (порою по 1—2 аппарата на населенный пункт), поэтому Интернет для большинства оставался недоступной экзотикой. Даже доступ школ к Интернету (часто сугубо формальный, т. к. школьники используют его лишь на уроках), по современным меркам очень ограничен. Россия занимает по этому показателю 63 место из 133 оценивавшихся экспертами стран. На первом месте — Исландия (The Global Competiveness Report 2009—2010).

Появление мобильного Интернета начало принципиально менять ситуацию. С помощью USB-модема можно выходить в сеть из любого дома, если в населенном пункте есть вышки мобильной связи. Так началось приобщение к Интернету самых глухих деревень и сел. Мобильный Интернет — это шанс прыжка через барьеры отсталости, накопленные в предшествующий период.

Жители глубинки, освоившие технологии использования Интернета, получили возможность часть своего времени жить в киберпространстве, где стираются характерные для географического пространства дистанции. Любая точка мира становится такой же доступной для общения, для обмена информацией, как и соседний дом. На пути общения остается только культурный барьер — знание иностранных языков. В пределах же русскоязычного Интернета, выходящего далеко за пределы России, любая далекая деревня оказывается открытой информационным потокам. И в глубинке появляется все больше любителей компенсировать бедность реальной жизни яркими событиями и встречами, жизнью в киберпространстве.

### **Медийная гиперреальность**

Появление телевидения начиналось с центра, потом постепенно вещание сдвигалось в региональные центры, а оттуда — в глубинку. В XXI в. большая часть территории страны доступна для телевещания. Однако территориальная стратификация идет уже по новому критерию: количеству принимаемых каналов, т. е. по наличию выбора. И глубинка по-прежнему остается информационным дном. Столица и райцентр живут в разных информационных пространствах, отсюда разное видение внешнего мира.

Пространство, создаваемое СМИ, также имеет четко выраженный иерархический порядок: на вершине в центре внимания журналистов — столица, несравненно ниже — провинциальные (региональные) центры и совсем на почти невидимом дне — глубинка, которая почти отсутствует в медийном пространстве России. Вся журналистика строится вокруг поиска событий. В столице это телодвижения политических лидеров, в т. ч. и самые рутинные их действия. Банальные фразы президента и премьера превращаются в медийное событие, показываемое по всем каналам. В провинции нет медийных фигур, узнаваемых страной. Поэтому если там ничего не взрывается, не горит и т. д., то глубинка как факт медийного пространства не существует. «Пятый канал» попытался занять эту нишу, но очень скоро освещаемая жизнь сфокусировалась на Москве.

Современные общества быстро превращаются в «общества досуга» — частную разновидность общества потребления. Централизованные СМИ формируют привлекательные образцы стилей жизни, в центре которых — потребление развлечений и товаров. Однако российская глубинка, будучи погруженной в это глобализирующееся пространство желаний, лишена материальных ресурсов для их удовлетворения. Свободное время превращается в пустое, которое переживается мучительно и порождает потребность в его заполнении. Досуг концентрируется дома. Его обогащение происходит преимущественно за счет телевидения. В последние годы среди молодежи все более популярным становится Интернет. Но этого недостаточно. Возможности для решения противоречия между постоянно растущим стремлением к развлечениям и ограниченными материальными возможностями их удовлетворения в российской глубинке очень ограничены. Данное противоречие порождает мощную тенденцию к центростремительной миграции как средству его решения.

### **Социальная инфраструктура**

Наличие существенных различий между городом и деревней официально признавалось даже в советское время, когда много делалось для

того, чтобы обосновать тезис о Советском Союзе как вершине социального прогресса. Более того, в качестве одной из главных задач советского государства провозглашалось преодоление этих различий. В постсоветский период все задачи КПСС ушли в прошлое. Переход к рынку оказался переходом к небывалому по своей глубине социально-экономическому кризису. Составной его частью стало свертывание процесса развития социальной инфраструктуры села. Нулевые годы, которые часто описывают как период быстрого формирования общества потребления, в основе которого был поток нефтедолларов, не изменили в существенной мере эту тенденцию: даже в сравнении с 1995 г., представлявшим собой пик социально-экономического кризиса, нулевые годы демонстрируют довольно мрачную картину (табл. 6).

*Таблица 6*

**Ввод в действие объектов социально-культурного назначения  
в сельской местности РФ в 1995–2007 гг., тыс. мест**

Объекты	1995	2000	2005	2007
Общеобразовательные учреждения	86,8	53,5	27,9	28,5
Дошкольные учреждения	12,8	3,0	0,9	3,0
Больничные учреждения	2,3	1,5	0,9	0,9
Амбулаторно-поликлинические учреждения, тыс. посещений в смену	6,2	3,3	2,6	5,0
Учреждения культуры клубного типа	16,8	9,6	5,7	5,2

(Источник: Россия в цифрах 2008: 266).

Система здравоохранения в России в целом далека от уровня передовых мировых стандартов. По оценке экспертов, она занимает 85 место из 133 оценивавшихся стран. В пятерку стран, непосредственно опережающих Россию, входят Вьетнам, Гондурас, Грузия, Доминиканская республика, Армения (The Global Competiveness Report 2009– 2010).

Если смотреть на медицинское обслуживание с точки зрения качества жизни в глубинке, то проблема становится еще более острой, т. к. система здравоохранения имеет жестко иерархический вид, который коррелирует с административно-территориальной иерархией: лучшие медицинские кадры и оборудование в столице, похуже — в региональных центрах, а что осталось — в глубинке. Последним оплотом относительно современного здравоохранения являются районные больницы и поликлиники. Иначе говоря, современные возможности спасения здоровья убывают по мере удаления от столицы. В результате жизнь в глубинке оказывается наименее защищенной от болезней.



Из этой иерархии вытекает и логика борьбы населения против болезней: в относительно сложных случаях больные ищут спасения в населенных пунктах более высокого административного уровня. В серьезных случаях очень часто единственное спасение — лечение в Москве, реже — в Санкт-Петербурге. Возможности такого лечения очень ограничены: очереди, необходимость специального направления, маловероятность бесплатного лечения, очень высокий уровень оплаты медицинских услуг, огромные расходы на дорогу и проживание в столице, предшествующее помещению в больницу. В результате территориальная структура переплетается с классовой. Немаловажным фактором (особенно для жителей деревень) является состояние дорог: в случае необходимости экстренной медицинской помощи именно этот фактор является решающим. Многие люди умирают, т. к. нет возможности оказать им срочную помощь, вовремя доставить в больницу. Идет процесс исчезновения в деревнях инфраструктуры первой медицинской помощи (медпунктов и фельдшеров).

Особенно изменился характер системы медицинской помощи в сельской местности. Сеть стационаров больничных учреждений различных типов за 1991—2001 гг. в целом сократилась на 19,6 %, в том числе в сельской местности было закрыто или перепрофилировано 25,5 % больниц. В 2002 г. продолжались закрытие и реорганизация участковых больниц и сельских амбулаторий (Щепин и др. 2002).

Таким образом, в постсоветский период глубинка стала еще глубже, если использовать критерии состояния и масштабов социально-культурной сферы.

Повседневная жизнь российской глубинки отражает парадоксы социально-экономической системы страны: с одной стороны, огромные запасы природного газа, позволяющие газифицировать существенную часть зарубежной Европы, а с другой — огромное количество жилищ лишено современного отопления. Даже в нескольких десятках километров от Москвы и Санкт-Петербурга находятся населенные пункты, где люди топят печи дровами. В 2002 г. уровень газификации страны составлял 30 % населенных пунктов, к 2007 г. он вырос до 60 %, к 2009 г. — до 63,2 %. Уровень газификации городов и поселков городского типа, по данным «Газпрома», достиг в 2009 г. 67,5 %, а сельских населенных пунктов — 45,5 %. Налицо процесс приближения глубинки к стандартам современного быта через организованную государством коррекцию газовых потоков.

Многие населенные пункты формально газифицированы, т. е. сюда подведена газовая труба, однако существенная часть жилищ оказывается лишенной газа, т. к. к основной трубе еще надо суметь подключиться.

Например, в городах Калужской области 61 % жилищного фонда газифицирован, а в сельской местности только 21 %. Уровень газификации сел и деревень Ивановской, Костромской, Тульской и Ярославской областей, по официальным данным, достигал в 2007 г. всего 17–18 %. Подключение наталкивается на огромные административные препятствия, которые обходятся с помощью официальной и неофициальной оплаты услуг организаций, занимающихся газификацией. Обычный вариант рационализации препятствий: нехватка газа (низкое давление в трубе). В 2007 г. вице-премьеру Д. Медведеву, возглавлявшему тогда Совет директоров «Газпрома», среди массы вопросов по газификации пришел и такой: «Как подключить газ к дому в деревне? Труба идет по улице и ШРП мы строили в складчину. По данным антимонопольного комитета, это стоит 10–15 тыс. руб., а чиновники просят 300 тыс. с каждого владельца. Директором Домодедовского газового предприятия Кокуриным выстроена целая система, обойти которую нет никакой возможности» (<http://voprosy.yandex.ru/db/question.xml?id=417149>). Стоимость подключения по Московской области колебалась от 10 до 25 тыс. долл. за дом (Компания. 16.05.2005).

### **Культура чтения**

Традиционное средство заполнения свободного времени — чтение. В малых городах и селах книги позволяли заметной части населения насытить жизнь, сделать ее увлекательной и интересной. Однако развитие телевидения, приобретающего все более развлекательный характер, является одним из ключевых факторов размывания культуры чтения. Кроме того, российская глубинка оказалась в изоляции от современного рынка книжной продукции. В результате как качественная, так массовая литература туда доходит в очень ограниченных объемах, еще более усиливая процесс размывания культуры чтения, особенно в молодежной среде. Рост цен на книжную продукцию при низких доходах большинства населения в глубинных районах делает книги малодоступными. Этот процесс переплетается с сокращением тиражей (которые за последние 20 лет упали почти в три раза), с ухудшением комплектации библиотек. Многие книжные магазины просто исчезли из-за нерентабельности, те, которые сохранились, торгуют исключительно учебниками и самой дешевой развлекательной литературой. В результате те жители глубинки, которые не выезжают в региональные центры, фактически лишены доступа к книгам. Иначе говоря, культура чтения в этих местах не только умирает в силу собственной логики развития в контексте взлета замещающих ее визуальных источников информации, но и убивается логикой рынка.

### Система образования

В целом система современного российского образования далека от передового уровня, лишь на точечном уровне есть приближение к нему.

По уровню начального образования, по оценке экспертов, Россия стоит на достаточно приличном 37 месте, опережая США (41 место). На уровне среднего образования (higher education) ситуация уже менее благополучная: Россия на 56 месте и лишь по уровню преподавания математики и естественных наук — на относительно благополучном 42 месте.

Иерархия российского школьного образования не очень жестко, но коррелирует с административно-территориальной иерархией. Большие города имеют набор качественных средних учебных заведений с высококвалифицированным персоналом, хотя в целом картина очень противоречивая. На уровне райцентров вероятность встретить хорошую школу существенно уменьшается, хотя отличные учителя встречаются в разных школах. В селах и особенно деревнях шансы получения качественного среднего образования существенно падают. В сельской местности порой формируются зоны, где вообще получение какого-либо образования проблематично. По оценке Минтруда и социального развития РФ, в сельской местности около 800 тыс. детей школьного возраста не имеют возможности посещать школу (Калугина, Фадеева 2009: 103).

Характерной приметой многих населенных пунктов России — деревень и рабочих поселков — являются *малокомплектные школы*. Такого понятия в законодательстве нет, хотя оно широко используется в управленческой практике. Отсюда противоречия в статистике. В 2008 г. министр образования говорил, что в России около 5 тыс. малокомплектных школ, где учились менее 10 чел. в каждой (Российская газета 29.08.2007), в следующем учебном году — о. 6,5 тыс., в 2009 г. — о. 5,5 тыс. (с уточнением: менее 10 чел.). В 2008 г. это составляло 80 % всех школ страны. Кроме того, из 35 тыс. полных средних школ в 15 тыс. занималось менее 200 чел. В Татарстане на 1 сентября 2009 г. в 49 школах республики учились всего по одному ученику, в 42 — по двое, в 57 — по трое. Кроме того, в Татарстане насчитывалось около 300 школ с количеством обучающихся пять и менее человек (Татар-Информ. 22.01.2010).

Хозяйственная деградация многих малых населенных пунктов в сочетании с резким падением численности детей школьного возраста — объективная основа упадка деревенских школ. Вот типичная динамичная картинка, предложенная одним из учителей Пермской области: *«Работаю в сельской школе уже 29 лет. Раньше в каждой параллели было*

*2 класса по 40 человек, а сейчас в классах 6–15 человек. Наш поселок лесной, в прежние годы леспромхоз гремел на всю Пермскую область, а сейчас его закрыли. Взрослое население ездит на работу в город. Средняя школа была реорганизована в основную. В основном учителя пенсионного и предпенсионного возраста, молодых специалистов всего двое»* (Завуч.инфо. 15.08.2009).

В малых населенных пунктах типичным является преподавание одним учителем широкого спектра предметов, включая и те, по которым он никогда не специализировался. Здесь существенно хуже материальное оснащение школ и, следовательно, возможности доступа школьников к современным знаниям и технологиям. По словам министра образования РФ, там *«нет ни современного оборудования, ни компьютеров, ни Интернета... А сами педагоги давно перешагнули пенсионный рубеж»* (МК. 4.09.2009). Позиция российского министерства образования и науки по отношению к таким школам очень критическая. А. Фурсенко сформулировал ее так: *«У нас есть статистика: ребята из этих самых малочисленных школ не только ЕГЭ — они любые экзамены плохо сдают. Или мы считаем, что их надо там оставлять в этих медвежьих углах, чтобы они никуда оттуда не выезжали? Но это тоже неправильно!»*.

У правительства есть и экономический аргумент против малокомплектных школ: по данным министерства образования и науки РФ, стоимость обучения ученика в такой школе в 20 раз выше, чем в городской школе (500 тыс. руб. против 24 тыс.) (МК. 4.09.2009). Эта же позиция была поддержана В. Путиным, когда он еще был президентом РФ: *«Малокомплектные школы съедают большое количество денег, которые, в принципе, можно тратить на развитие образования»* (март 2006). В Татарстане республиканское министерство образования озвучило другие цифры: 187 тыс. руб. в малокомплектной школе против 31 тыс. в обычной школе (Татар-Информ. 22.01.2010).

Однако закрытие малокомплектных школ отрицательно сказывается на судьбе деревень и поселков. На встрече с министром образования А. Фурсенко региональные уполномоченные по правам человека сошлись во мнении, что с ликвидацией школы в деревнях, да еще и при наличии безработицы в селе, деревня начинает стремительно вымирать, т. к. школа остается для селян последним элементом, связывающим их с селом. Этот процесс встречает активное сопротивление и протесты и родителей, и учителей закрываемых школ (Офиц. сайт УПЧ 24.04.09).

Возникает противоречивая ситуация, из которой нет выхода, устраивающего всех. Часть детей из закрываемых школ в удаленных деревнях переводят в Интернаты, расположенные вдалеке от дома. Это ли-

шает детей столь необходимой им семейной среды. Кроме того, они отрываются от традиционного уклада сельской жизни, что сводит на нет вероятность их возвращения в родную деревню. Таким образом, система Интернатов, как-то решая проблему повышения качества среднего образования деревенских школьников, в то же время содействует и без того быстро идущему процессу обескровливания деревни. Другая часть детей ежедневно на автобусах доставляется из деревень в школы. Однако в условиях огромных расстояний и бездорожья возможности такого варианта достаточно ограничены. Особенно остро это чувствуется на Севере и в Сибири. В Псковской области в 2007 г. из 5 тыс. детей, переведенных в крупные учебные заведения в других поселках, лишь треть получали среднее образование — у остальных не было возможности добраться до места учебы (Деловая пресса. 17.08.2007).

Высшее (университетское) образование в отличие от среднего имеет иерархию, очень жестко коррелирующую с административно-территориальной иерархией: лучшие вузы в столице, похуже — в региональных центрах, худшие (в основном филиалы) — в глубинке. В советское время вузовская система очень слабо проникала в глубинку. Лишь в некоторых городах районного масштаба были филиалы региональных вузов, обычно специализировавшиеся на вечернем образовании, выполнявшие функции консультационных пунктов для заочников.

В эпоху рыночных реформ часть университетов России в поисках платных студентов устремилась в глубь России, доходя до уровня райцентров. Здесь появились филиалы региональных и даже столичных университетов. Таким образом, формально ситуация заметно улучшилась. Однако при ближайшем рассмотрении этого феномена оказывается, что нередко филиалы дают не высшее образование, а его имитацию. У них обычно нет своей материальной базы. Они часто создаются на базе средних школ и техникумов, опираясь в основном на их преподавательский состав, не имеющий необходимой подготовки и опыта преподавания в университетах. Наезды преподавателей из вузов-учредителей носят эпизодический характер, нередко в такие не очень популярные командировки посылают далеко на самые лучшие кадры. По признанию министра А. Фурсенко, *«некоторые частные вузы откровенно торгуют дипломами и предоставляют за деньги отсрочку от армии»* (МК. 4.09.2008).

Реформа системы университетского образования, по замыслу министерства, должна ужесточить требования к вузам, что приведет к закрытию их существенной части, расположенной, прежде всего, в региональных центрах и глубинке. Озвучиваемые министерством масштабы колеблются. Выступая в Госдуме, А. Фурсенко (Ведомости. 4.09.2008),

заявил, что из 1108 существующих вузов должны исчезнуть 80 %, что «жестким критериям» соответствуют лишь 150–200 учебных заведений. Остальные вузы должны превратиться в филиалы или средние учебные заведения. Однако вскоре последовали оговорки: у министерства нет цели сократить 100 или 1000 вузов.

Таким образом, реформа системы образования — и на школьном, и на университетском уровне — ведет к воспроизводству глубинки как социокультурного поля российского пространства.

### **Резюме**

Таким образом, глубинка — один из ключевых элементов социально-территориальной структуры России. Основные социальные потоки обходят ее стороной или затрагивают лишь косвенно. Это часть социального пространства, изолируемая от центров власти и богатства плохими дорогами, плохой связью, ограниченным количеством телеканалов и радиостанций и т. д. В силу этих же причин глубинка обделена ресурсами. Все это вместе взятое ставит глубинку на дно социально-территориальной иерархии. Тенденция к социальному исключению глубинки характерна для длительного исторического периода. В эпоху рыночных преобразований хищническая эксплуатация глубинки продолжается, приближая ее к пределу исчерпания. Кроме того, эти процессы порождают внутреннюю деградацию населения малых городов и сел. Перспективы исчерпания людских и культурных ресурсов глубинки чреваты серьезными последствиями в сфере экономики, экологии, национальной культуры, геополитики и т. д.

### **Литература**

- Вишневский А.Г., Кваша Е.А., Харьковская Т.Л., Щербакова Е.М.* Российское село в демографическом измерении // Мир России. 2007. № 1.
- Говорухин Ю.* Дороги России. [<http://www.oilru.com/sp/26/1089>]
- Госкомстат РФ. Об итогах Всероссийской переписи населения 2002 года. [<http://www.gks.ru/PEREPIS/report.htm>]
- Докучаев Д., Крылов Д.* Дороги, которые нас обирают. [<http://newtimes.ru/articles/detail/16932>]
- Завуч.инфо [<http://www.zavuch.info/forums/topic.html?f=11&t=69>]
- Збарская И.А.* Об итогах всероссийской переписи населения 2002 года // Международный симпозиум «Россияне в зеркале статистики: Всероссийская перепись населения 2002 года». С. 73–79. [<http://www.perepis2002.ru/index.html?id=89>]
- Ильин В.И.* Социальное неравенство. М.: Институт социологии РАН, 2000.
- Калугина З.И., Фадеева О.П.* Российская деревня в лабиринте реформ. Социологические зарисовки. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2009.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1982.

Принуждение к инновациям / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: АНО «Центр исследований постиндустриальных обществ», 2009.

Россия в цифрах. 2008. Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2008.

Статистика потребления алкогольной продукции в России в 1970–2005 годах [http://www.svvf.ru/statistica\_potrebleniya\_alkogolya\_v\_Rossiiis]

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. М.: Астрель, АСТ, 2003.

*Шумейко А.Н., Юрковский И.М., Немчинов М.В.* Автомобильные дороги России: состояние и перспективы, М.: МАДИ, 2007.

*Щепин О.П., Овчаров В.К., Максимова Т.М., Какорина Е.П.* Проблемы здоровья населения и развитие программ здравоохранения // Международный симпозиум «Россияне в зеркале статистики: Всероссийская перепись населения 2002 года». С. 73–79. [http://www.perepis2002.ru/index.html?id=89]

Цена дороги // Строительство и бизнес. 2008. Ноябрь.

The Global Competiveness Report. 2009–2010. [http://gcr.weforum.org/gcr09]